

БЕСПРЕДЕЛ РАДИКАЛЬНОГО ИСЛАМИЗМА И БЕЗГРАНИЧЬЕ СТРАХА

ОПЫТ АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ В АЛЖИРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XX-XXI ВВ.

С.В. ПРОЖОГИНА

Доктор филологических наук
Институт востоковедения РАН

Ключевые слова: Алжир, алжирская художественная литература, сопротивление радикальному исламу

Политический исламизм разнолик, хотя и одинаково жесток повсюду. Сейчас все говорят о преступлениях ИГИЛ, о войне в Сирии и Ираке. В Алжире кошмар гражданской войны случился в самом конце 80-х гг. XX в. О причинах этой войны, развязанной Фронтом исламского спасения (FIS) - так называлась победившая тогда на выборах партия, написано немало. Но и немного. А ведь эта война была не менее губительной для страны, чем борьба за национальное освобождение (1954-1962 гг.) с французским колониализмом. Внутренние причины противостояния алжирцев освещались негромко, хотя и длилась та кровавая схватка почти десятилетие - больше, чем война за независимость. И унесла много жизней, и выбила из культуры страны значительное число интеллигенции, и дестабилизировала образование, науку, экономику, социальные процессы...

Я не буду обращаться к исследованиям политологов, это не моя задача, но хочу отметить, что гражданская война с радикальным исламом, дорого обошедшаяся стране, велась ее народом практически в одиночку, без привлечения «глобальных» сил. В конечном счете, армия, полиция, антитеррористические бригады, гражданское ополчение, хранившее верность идеалам Освобождения, сломали в начале 2000-х гг. звериный разгул мракобесия и, так или иначе, утихомирили страну.

Впрочем, не прекращаются и по сей день попытки вернуть ее к «истокам», к «изначальному исламу», искоренить «влияние Запада», модернизацию образования и экономики, установить власть имамов и «эмиров», не выпускать женщин из круга законов шариата, запретить им участие в социальной жизни и т.д. и т.п. Лозунги «очищения» страны от «скверны» современного общества сохраняются...

Пока сохраняются и причины - внутривнутриполитические, экономические, социальные, демографические, порождающие кризисные формы национального бытия и вызывающие к жизни радикальные приступы религиозного сознания, которое именем Аллаха сеет смуту, террор и угрожает трансформировать само понятие «свобода» в разгул насилия и кровавого беспредела...

Если бы я не верила в то, что, как сказал еще Стендаль, литература - это зеркало, стоящее на дороге жизни, я не стала бы писать о том, что реально пережил Алжир. Но его писатели всегда от-

личались особым качеством почти документального реализма и одновременно высокой мерой художественной типизации явлений окружающего мира. Слишком авторитетной была и своя, и европейская традиция литературного письма, слишком строга была школа, в которой учились алжирские художники писать картину мира. Именно в плане культурном на алжирской земле больше столетия длилась «встреча цивилизаций», несмотря на колониализм, а возможно, и благодаря ему.

Писатели Алжира первыми фиксировали приметы перемен, меняющие облик социума, настроение народа, первыми показывали начало «*беснорядка вещей*» (термин Р.Буджедры, «*la désordre des choses*»), сотрясающего основы того мира, который либо надо было разрушить либо сохранить, отстоять, ибо за него сражались миллионы алжирцев в годы борьбы за независимость. Так было в конце 1940-х и начале 1950-х гг., когда активно формировалось национальное самосознание в стране и готовилась антиколониальная война.

Приметы гражданской «*братоубийственной*» войны, начинавшейся с укрепления исламского радикализма (не без помощи соседних арабских стран), были тоже незамедлительно воссозданы писателями, переведенными на многие языки мира, уже имевшими мировое признание и даже особые награды мирового литературного сообщества. И Рашид Буджедра, и Рашид Мимунни, и Ассия Джебар, и корифей алжирской словесности - Мохаммед Диб, и новый писательский отряд 1980-х -

1990-х - А.Джемай, М.Бей, М.Мокеддем, и восходящая «звезда» алжирской литературы - Буалем Сансаль, и мн. др. не могли не откликнуться, не сказать своего слова, не восстать, не подать сигнала тревоги, который должен был предупредить мир об опасности наступления эры террора¹.

«БЕСПОРЯДОК ВЕЩЕЙ»

Рашид Буджедра уже в 1989 г. назвал свой новый роман - «Беспорядок вещей»², где воспроизвел атмосферу страха и отчаяния, воцарившуюся в стране, воссоздал картину народной растерянности, угроз наступления тех, обнаглевших и распоясавшихся, кто воспользовался экономической неурядицей, растущей безработицей, направо и налево расстреливая «виноватых», резал горло тем, кто пытался как-то утихомирить волну поднявшегося гнева, беспощадно давил, уничтожал всё, что, так или иначе, было связано со стремлением к демократическим преобразованиям, к поискам возможностей выхода из серьезного кризиса, потрясшего страну почти через три десятилетия ее независимости...

Убивали всех, кто сопротивлялся исламистским лозунгам *FIS*, обещавшего избавить страну от последствий «светского образования», либерализации, от университетских программ, «формирующих мозги на западный манер», прививающих вкус к науке, к прогрессу, к модернизации. Всё, что не в Коране, не в заповедях Пророка, не от имени Аллаха, - всё от «воли Дьявола», а потому - истреблять всех, кто его «пособник»...

В книге Р.Буджедры впервые в алжирской литературе был показан «человек раздавленный». Не «восставший» против рабства и гнета колонизации, не «идущий по дороге отвоеванной Свободы» и «ищущий Путь к свету новой жизни», как это было в литературе эпохи 1950-1970-х гг., но именно «раздавленный», выползавший из-под горы трупов, во время бойни, устроенной террористами, превращенный ими в кровавое месиво... Этот образ снова появится в творчестве Р.Буджедры уже в начале 2000-х, когда писатель напишет роман «Похороны», где отметит приметы конца разгула террора и еще раз напомнит о его злодеяниях³.

В 1992 г. Р.Буджедра опубликует свой политический памфлет «*F.I.S. de la Haine*» («Фронт ненависти»⁴, где в звучании французской аббревиатуры «Фронт Исламского Спасения» слышалось слово «Fils» - сын...). И в этом «Сыне Ненависти» писатель сгустит все причины недовольства, расколовшего народ, все постепенно зревшие в стране внутренние противоречия. Тлевшую со времени окончания борьбы за независимость и вновь разгоравшуюся борьбу за политическую власть внутри когорты лидеров правившей в стране партии ФНО. Экономическую разруху, проблемы с безработицей, особенно среди молодежи. Демографический взрыв, резкое обнищание сельского

населения, его исход в большие города, их перенаселенность, вызывавшую усиление эмиграции и массу других причин. В их числе - и культурную политику «тотальной арабизации», провоцировавшую недовольство берберов, которых немало среди алжирцев.

В итоге на очередных выборах в стране к власти приходит партия *FIS*, претендующая на спасение от кризисной ситуации «Именем Аллаха». Она обещает избавление страны от растущего социального неравенства и разброда верующих в исламские ценности путем «возврата к истокам», к «исламскому фундаментализму», «незамутненному» привнесением в страну других цивилизационных начал - ориентаций ее на западное образование, науку, прогресс.

Главным становится возврат к «истинным заповедям Пророка Мухаммеда» и Свету Откровения Аллаха в Священном Коране. Ваххабизм, расцветавший в Саудовской Аравии и на Ближнем Востоке, не мог не сыграть свою роль. Алжирские исламисты не без поддержки «извне» стали рьяно бороться за «чистоту» религии и повсюду насаждали только мусульманские школы, где работали нанятые «по контракту» египетские преподаватели, запрещавшие общеобразовательные предметы по истории и естествознанию. В университетах ввели запрет на обучение математике, физике, химии, юриспруденции и прочих дисциплин на французском языке, хотя учебников на арабском почти не существовало. Запрет на французский язык достиг апогея, и в школах, где случалось исламистам ворваться на урок и услышать французскую речь - к примеру, на уроке литературы - педагогу могли и перерезать горло...

Случаи такой расправы были нередки и зафиксированы почти документально в книге новелл Ассии Джебар «Оран, мертвый язык»⁵.

НОЧЬ ДОЛЖНА СМЕНИТЬСЯ РАССВЕТОМ

Рашид Буджедра, как и многие другие, сосредоточил свое внимание - и как художник, и как аналитик - на реальных итогах и причинах вершившихся в стране событий. За что был обвинен исламскими интегритами в «предательстве», зачислен в список должных быть убитыми и вынужден был долго скрываться и жить в эмиграции.

Его соотечественник Рашид Мимунни создает некое метафорическое полотно почти «исторической обреченности» Алжира на постоянные войны, нашествия, набеги, на постоянное вынужденное сопротивление Злу, которое тяготеет над страной как «проклятие». Он так и назовет свой роман - «Проклятие» («*La Malédiction*». Р., 1992), и концентрацию этого Зла увидит в *братоубийственной войне*, которая буквально захлестнула Алжир в начале 1990-х. В сюжете романа Р.Мимунни один из братьев, ставший исламистским «эмиром», убивает беспощадным выстрелом в затылок другого - врача, не захотевшего «делить» раненых на

«своих» и «чужих» и просто спасающего людей от смерти. Тем самым избавляя страну, как он считает, «от предателя»...

Расправы с интеллигенцией - журналистами, врачами, педагогами, писателями, поэтами, кинематографистами, театральными деятелями, не поддержавшими воцарявшиеся в Алжире «правила праведной исламской жизни». Эти люди были под постоянным прицелом «интегривстов». (Использую этот термин именно в том смысле, в каком политический исламизм требовал «абсолютной чистоты» религии мусульман, освобождая ее от поздних наслоений и стремясь к полному претворению в жизнь норм раннего ислама.) «Интегривсты» забрасывали интеллигентов письмами с угрозами: с нарисованными на конвертах гробами и вложенными в конверты кусочками мыла и белой ткани - для «омовения будущих покойников» и «саванов» для них...

Таков был ритуал террористов, которые предварительно запугивали, а потом и приводили свои угрозы в действие. Сколько погибло известных в стране людей! Сколько зарезанных, замученных, отравленных и убитых на глазах своих детей и близких!..

Не стану перечислять все имена, среди них и мне близкие: Тахара Джаута, Юсефа Себти и мн. др. Достаточно взять в руки страшную документальную книгу Асси Джебар «Белый траур Алжира»* («*Le blanc de l'Algérie*». Р., 1995), чтобы исполниться жуткой правдой вершившегося в свободном и независимом Алжире «своего», исламистского разбоя - его по количеству жертв можно сравнить с беспощадной партизанской войной с колонизаторами. Но у той были особые исторические оправдания.

Если для беспощадности они вообще есть...

Но писатели ничего не преувеличивали.

Корифей алжирской литературы Мохаммед Диб напишет свою эпопею о зверских набегах исламистов на горные селения, которые не хотели сдаваться на милость террористов и помнили о том, *за что* сражались с чужеземцами отцы и деды, и еще хранили «*старые ружья*». Но набеги были ночными, коварными, застигали людей врасплох. С лица алжирской земли в те недалекие времена исчезли многие городки и деревни, исчезли десятки тысяч людей, которым перерезали горло во сне...

М.Диб сравнит эти массовые убийства в горах с древним поверьем людей в то, что «если захочет дьявол» (а его роман так и назывался - «Если захочет дьявол» - «*Si Diable veut*». Р., 1998), то собаки, спущенные с верховьев гор с красной повязкой на шею «*встречать весну*» (таков был ежегодный ритуал горцев), могут вернуться обратно. И, взбесившись, могут отгрызть головы невинным людям, которые мечтали о наступлении тепла, об урожае, о свадьбах, о новой жизни...

*«*Le blanc de l'Algérie*» - это название лучше перевести как «Саван Алжира».

Этот роман Диб не мог не потрясти читателей жестоким реализмом происходящего в Алжире и художественно запечатленным извращением *сакрального*. Ибо мусульманский мир жил и живет великой своей надеждой, выраженной в священной формуле «*Если захочет Аллах!*». «Дьявольская» инверсия этой истинно мусульманской веры в то, что Аллах не может захотеть чего-то ужасного, непоправимого, превратила произведение искусства основоположника новой алжирской словесности в прямое обвинение тех, кто, используя религиозное учение, забыл о том, что на земле всегда *останутся люди*, помнящие не о мраке наступления Ночи, но о Свете нового Дня. «И если захотят они...» - писатель не закончил этой фразы в своем романе, но напомнил всем, что Ночь должна обязательно смениться Рассветом...

СКОРБНЫЕ НОВОСТИ ОТ АЛЖИРСКИХ ПИСАТЕЛЬНИЦ

Что удивляться гневу и пророчеству М.Диб - писателя, которого знал весь мир (он переведен почти на 30 языков), лауреата всех высоких литературных премий? Он себе мог позволить создать произведение, где просто сравнил нашествие «интегривстов» с «*волей дьявола*». Но поражает то, что именно в 90-е гг. в алжирскую литературу вливается отряд женщин. Да, именно тех, с кем исламисты неустанно боролись, заставляя носить чадру, отказываясь от образования, социальной жизни, участия в общественных движениях, запугивая, угрожая, расправляясь за «непослушания»...

Среди них, женщин, - врачи, педагоги, журналистки, взявшиеся за перо, потому что молчать о том, что творилось в стране, было невозможно. Ассию Джебар, ее «похоронный колокол» из Орана, где воцарился «язык смерти», должны были услышать повсюду - ведь она была знаменитой в Европе не только писательницей (в России ее успели перевести еще до 1990 г.), но первой среди «иностранок» ставшей членом Французской Академии. Но и Маисса Бей, Малика Мокеддем, Латифа Мансури, которых не знал никто, отважно стали продолжать дело своих соотечественников, заставляя мир услышать боль и гнев своего народа.

В своих «Новостях из Алжира» («*Nouvelles d'Algérie*». Р., 1998) Маисса Бей, педагог и журналистка, поведаст о страхе, в котором постоянно приходится жить женщинам, особенно тем, кто работает, учит детей, у кого мужа - не исламисты. И расскажет о наступившем в стране *оцепенении*, безволии против ужаса, порожденного почти ежедневными сводками об убитых, зарезанных, о стертых с лица земли деревнях, где за ночь уничтожали людей и поджигали их дома...

«Новости» - скорбные. Но для начинавшей тогда писательницы главным было рассказать об Алжире правду, о которой властям было как-то

неудобно кричать на весь мир. И голос Маиссы Бей, писавшей по-французски *вопреки* всем мыслимым и немислимым запретам исламистов и рискующей своей головой, был услышан. Вспомним о героине одной из новелл Ассии Джебар, учительнице, которой террористы на уроке французского отрезали голову...

Отныне литература Алжира стала *другой*, она показывала лик другой страны, где насилие, творимое людьми, шло якобы от «Имени Аллаха», где человека уничтожали, а не воспевали, как прежде, как Творца нового мира...

Не менее ярко, с глубокой болью за судьбы соотечественниц, рассказала о «стрелах исламизма» и врач Малика Мокеддем в своей автобиографической повести «Мечты и убийцы» («*Des Rêves et des assassins*». Р., 1995).

Но то, что показала в своем дневнике Латифа Мансури!.. Дневник стал повестью о смерти, о ее торжестве, о «пляске» на костях людей, поверженных страхом в бездну отчаяния, откуда только один путь - бежать с родной земли, которой были отданы ранее все силы жизни, все ее надежды...

То, что зафиксировала на бумаге, но увидела на белой стене своего дома рано утром врач Латифа Мансури, работавшая в глубинке, в сельской больнице, где лечила стариков и детей, было хуже апокалипсиса, ибо это не вообразенное, а своими, остановившимися от ужаса, глазами запечатленное. К ней в дом ворвались террористы и разбили о стену голову ее грудного ребенка, раздавили, кроваво размазали его тело на белой штукатурке, дабы она, врач, убоялась и прекратила лечить тех, кто «не с ними», кто не служит «делу Аллаха»...

Латифа Мансури выжила, но едва не лишилась рассудка. А потом заставила себя написать книгу, назвав ее «Год заката Солнца» («*L'année de l'éclipse*». Р., 2001). Книгу можно назвать и «Годом солнечного затмения», хотя этот солнечный «Эклипс» под пером Мансури, пережившей личную трагедию (ей еще принесли в корзине и отрезанную голову мужа, тоже врача...), нарисован как триумф абсолютного Мрака.

...Ужасы царившего в Алжире исламизма можно множить: литература - неисчерпаемый источник примеров и назиданий. Но в 2003 г., когда события уже постепенно улеглись, Рашид Буджедра захотел поставить «точку» - окончательную и бесповоротную. Он пишет свой роман «Похороны», где напомним о том, что забыть произошедшее в родной стране, длившееся почти десятилетие, нельзя, ибо повторение прожитого страной и народом - *стыд истории*. И создаст, чтобы помнили, в назидание живущим, но не поддающимся угрозам и страху смерти, последовательность картин ужасных расправ террористов со школьниками. И если дети продолжают учиться, ходить в школы, снимать мусульманский платок на уроках, учить «другой язык», «другие предметы», помимо дозволенных исламистами, то расправа с одними из

них - назидание для других: это будет и с ними. Одиннадцатилетнюю девочку насилуют, выкалывают глаз, а потом перерезают горло на виду у всего класса... На школьном дворе убивают мальчика выстрелом в спину «просто так», потому что тот слушался учителя, выполняя его просьбу, а не головореза - бандита, террориста, «хозяина» того квартала, где стояла эта школа...

Ужасные фото растерзанных, расчлененных, искалеченных людей висят, «пригвожденные», в кабинете комиссара антитеррористической бригады. А комиссар - женщина. В творчестве Буджедры это своего рода «апофеоз» женской судьбы: раньше героини его книг были «раздавлены, унижены традицией», ее запретами, или наоборот, преодолевая их, становились врачами и «чистили» раны общества, избавляя его от вековых предрассудков, тьмы невежества. А в «Похоронах» главная героиня уже сражается с почти неуловимыми, но уже обреченными на расправу: волна народного гнева, действия полицейских, военных - всё как бы на грани окончательного, «финального» боя...

Роман Буджедры - глубоко психологический, но и вполне «полицейский», написанный о жутких буднях полицейской бригады по борьбе с терроризмом. И в этом романе, как и в предыдущих произведениях Р.Буджедры, есть много авторских напоминаний о том, что главное - не дать обществу увязнуть в оковах окостенелых традиций, разрушить нормальные семейные связи и узы, соединяющие людей в *одно целое*.

Напоминание и о том, что нельзя унижить женщину, «закрыв» ее только в лоне семьи, отгородив от мира, от жизни, которая, пусть тревожно и страшно, течет за стенами дома... Напоминание и о том, что самое нелепое, самое отвратительное и, быть может, самое губительное для общества - это «*братоубийственная война*», это противостояние людей внутри *одного народа*...

Во всех романах Буджедры - и «Похороны» не исключение - символично (или, скорее, метафизично, потому что однозначно по смыслу и глубоко психологично) это «возвратное движение» к образу брат-близнеца одного из героев романа. Оно означает, что этот «кровный брат» может стать худшим врагом, потому что «свой», а не «чужой». С «чужими» - иноземными - врагами всё было понятно: за *что* идет борьба, за *чью* свободу, за *чью* независимость, за *какое* будущее своей земли воюет народ. Но когда «близнец» хочет быть похожим на «чужого», то это становится истоком внутренней трагедии. И надеясь на конец этой *внутренней борьбы* народа, командир полиции, переживший свою семейную драму, возлюбленный героини романа, просит ее родить ему именно *близнецов*... Нормальных, *родных* друг другу. Надеясь на мир. «Похороны», видимо, закончатся свадьбой героев. И новой судьбой освободившейся страны...

В книге Р.Буджедры битва выиграна. Хотя война с глобальным терроризмом как раз только и развернулась по всему миру. Роман Р.Буджедры, «похоронив» Фронт ненависти в одной, отдельно взятой стране, мужественно сражавшейся с мракобесием, стал словно увертюрой к событиям, которые потрясли в начале XX в. и Америку, а теперь заставляют погружаться в страх и Европу.

РЕАЛЬНЫЕ И ИРРЕАЛЬНЫЕ МИРЫ БУАЛЕМА САНСАЛЯ

Восходящая звезда алжирской литературы, писатель Буалем Сансаль, получающий одну за другой премии мирового литературного сообщества («За лучший арабский роман», «За лучший роман на французском языке» и т.д. и т.п.), написал в качестве предупреждения Европе свою потрясающую книгу «Деревня Немца» («*Le village de l'Allemand*». Р., 2008), где сравнил исламизм с нацизмом. На судьбе двух братьев - алжирских иммигрантов (считавших себя алжирцами, но узнавших, что их отец - немец) он показал новую трагедию, на сей раз Европы, страдающей от глубокой *разности* своих народов. Один из братьев поклялся сделать всё, чтобы разорвать сеть подпольных террористов-исламистов, опутавшую Париж и его иммигрантские кварталы, в которую он едва не попался. Другой не перенес стыда за прошлое их отца - бывшего офицера немецкой армии, служившего в Освенциме и изобретшего циклон (газ, который убил миллионы невинных), скрывался в Алжире, принял ислам и окончил с собой, заставив себя задохнуться в собственном автомобиле: пустил выхлопной газ во внутрь машины.

Прошлое открылось братьям-иммигрантам внезапно, после смерти их отца в далекой алжирской деревне. Пересмотреть всю свою жизнь заставило их сравнение прошлого отца с происходящим на их глазах опасным беспределом. Имамы вербуют молодежь в ИГИЛ и прочие террористические организации... Запугивают не только исламскую молодежь Европы, но и французских жуткими казнями в подвалах девушек: их, отказавшихся носить мусульманскую одежду и закрыть лицо, обливали кислотой или сжигали...

Всё это заставило братьев вернуться к «собственной идентификации», к определению своего места в давно «смешавшемся» и тоже уже «сходящем с ума» мире. Один встал на путь борьбы за очищение этого мира от скверны исламистского террора и угрозы торжества старых религиозных догм в светской стране, которые якобы позволяют угнетение человека. А другой - казнил себя за вину нацистов и фашистов, которые допустили геноцид и кровавую мировую войну, эхо которой не хотел слышать сегодня...

Но «Деревня Немца» не успокоила сознание алжирского писателя, не остановила только на по-

нимании того, что путь борьбы с исламизмом *возможен*, даже если кто-то решится сражаться в одиночку. И Сансаль все-таки позволил себе мрачно пофантазировать о торжестве исламистского мракобесия и в 2015 г. написал некую «утопию», назвав ее «2084» (*Sansal B. «2084»*. Р., 2015). Однако «утопия» Сансаля (а в этом понятии - «место, которого нет»!) настолько выразительно запечатлела возможную постисламистскую (т. е. *после воображаемой победы исламистов*) реальность, что читателю ничего другого не остается, как ужаснуться. И поверить в абсурд бытия человечества, когда жить человеку можно, как у Сансаля, только «по законам Йолаха»*, записанным его наместником на земле в Священную книгу, хотя и на языке, народу «почти непонятном»...

Но главное, «2084» год - это уже то время, та история человечества, когда всё прошлое на земле свелось только к воспоминанию о священной войне «за веру в Йолаха», только к битвам с «неверными», а всё настоящее - только к паломничеству людей в те места, где эти битвы происходили и где стоят памятники «мученикам за веру» в «Йолаха»...

«2084»

И живут люди, абистанцы, передвигаясь группами, караванами, с одного места на другое, и управляет Абистаном - всей этой огромной странной землей, геометрически расчерченной маршрутами, необходимыми для жизни, невидимый правитель Аби. Он обитает где-то в Административном центре и нормирует людскую активность, ведет учет их особой жизнедеятельности, подчиненной только законам «Священной книги»...

Жизнь бедна, однообразна, безвкусна и безнадёжна... Люди носят одну и ту же одежду, едят одну и ту же выдаваемую им пищу, сидят и спят на полу, не знают, что такое мебель, книги, развлечения... Записываются на паломничество и потом долгие годы ходят и отмечают, узнавая, когда же придет великий день посещения того или иного «Святого места»...

А вокруг - мертвый пейзаж, умерщвленная рутинной жизни земля, где как бы и нет никаких границ. Правда, есть высокие горы, а за ними, как говорили, какое-то море...

Главному герою книги «2084» повезло. Он какое-то время провел в этих горах. Там был *санаторий*, где лечили легочных больных - тех, кто не мог правильно дышать, задыхался. И они либо умирали, либо, как герой произведения Сансаля, излечивались. И возвращались в прежнюю жизнь. Шли пешком, спускаясь с гор. Встречались с караванами людей, направлявшихся куда-то на гор-

* Писатель нарочито искажает арабскую ономастику и алжирскую топонимику в романе, хотя всё остается узнаваемым.

ные перевалы. Кто-то находил свои «Святые места», а кто-то, как говорили, исчезал за какой-то «границей».

А что было там, никто не знал... Вспоминали с трудом, что слышали от кого-то, что где-то за этой границей живут те, кого во время «Священной войны» изгнали из Абистана, т.е. «враги», царит там какая-то (то ли какой-то) «Демо» или «Демокр», но тоже что-то такое, что абсолютно враждебно земле, где правит закон «Священной Книги»...

Ати, главный герой «2084», ничего об этом не знал, конечно. Да если и видел на своей земле (и то изредка) какую-то другую жизнь, то только на окраинах города, в котором жил, в кварталах (гетто), где ютилась «абсолютная беднота», не имевшая даже возможности совершать паломничества. Туда потихоньку наведывались люди, слушая другой (когда-то родной!) язык, другую музыку, нюхая другие запахи - той пищи, которую, как говорили, в стране готовили в старину, еще до «Священной войны» с «неверными». В гетто устраивали даже какие-то «праздники», которые в стране были позабыты давным-давно. Теперь здесь главным зрелищем были лишь публичные казни заподозренных в предательстве людей, не желавших мириться с волей тоталитарного правителя Аби...

Деятельность людей, населявших Абистан, была подчинена подсчету паломников, регулированию дат посещения «Святых мест» и распределению маршрутов. За это давали какое-то пособие служащим, за одну и ту же порцию какой-то «каши», видимо, должной напомянуть людям о той пище, которую здесь ели когда-то. Не желавшие служить нигде, абистанцы уходили в гетто. За ними следили, конечно, как, впрочем, за всеми и повсюду.

Старые люди, если и знали или вспоминали что-то, многое уже забыли или просто сами стерли из памяти из-за страха. А шел, как будто бы уже 2084 год, и что было раньше, и когда случилась эта «Священная война», люди тоже забыли. Или им повелели это другие люди - «вечно живущего» здесь правителя Аби, служившего только вечно живому богу своему Йолаху. И было запрещено говорить про гетто, в которых выживали люди на этой странной земле каким-то чудесным способом. Где когда-то укрылись выжившие в войне или спасшиеся чудом от воинов Йолаха «неверные», или потерявшиеся в пути паломники, или самые безбоязненные, отпетые бродяги и оборванцы, которым было абсолютно все равно, где они, на какой земле живут.

Говорить было запрещено. Но люди говорили. И паломники, которых Ати повстречал по дороге из санатория, вечером у костров рассказывали, что видели. Размышляли. Ведь надо было чем-то кормить страну, армию - огромную и всесильную, чиновников - многочисленных и вездесущих, на что-то содержать, машины и самолеты, стоявшие

на вооружении армии и для нужд высшего руководства Абистана - чем-то заправлять, менять детали...

Словом, жизнь куда-то «текла» и откуда-то «перетекала», но ведь, как здесь уверяли, на земле «царил лишь Абистан и его законы»...

Так откуда же бралось всё это? Только ли из «Святых мест»? В санатории* ходили всякие слухи, и те, кто сумел выздороветь, уже не могли не знать - не думать о том, что *где-то там, за горными перевалами есть что-то другое*. Где что-то покупалось, продавалось, обменивалось... Но главное: некоторые караваны вообще исчезали и не возвращались более из-за горных перевалов. Ходили слухи, что они *перешли границу*... Но что же это все-таки такое было, эта *граница*? И что открывалось за ней, в далекой дали, там, где, видимо, уже было само море?..

И снова, и снова доносились среди разговоров проходивших мимо паломников и тех, кто шел куда-то в караванах, какие-то странные, не на абистанском языке произнесенные звуки: «Демо... Демокр... Демокр...» Или что-то в этом роде. Выздоровливающие думали, что это имя одного из тех, кого убили в «Священной войне», *Главный враг Абистана*, в битве с которым погибли миллионы мучеников за веру в Йолаха, и которым поставлены памятники, вокруг которых и вращалась вся абистанская жизнь.

...Главный герой - Ати, один из немногих выздоравливавших в санатории, наконец, вернулся к себе домой. В свою, как и у всех, убогую хижину. По дороге домой он повстречал человека, который принадлежал к сословию чиновников, обеспечивавших «устойчивость» жизни Абистана, и был послан на какие-то странные «раскопки». Он поведал Ати совсем уж странную историю о том, что какие-то люди в каком-то селении обнаружили совсем еще недавнее поселение абсолютно других людей, относящееся к XX в., откуда все они, похоже, внезапно, бросив всё, куда-то ушли. Или их куда-то увезли. Но оставили в почти полной неприкосновенности все приметы уклада их жизни, которая была совершенно другой. Непохожей на нынешнюю. Иной. Словом, сенсация, взбудоражившая не только Администрацию, но и умы тех, кто еще не потерял здесь способность мыслить...

Но человек, рассказавший людям эту историю, куда-то неожиданно пропал, и Ати с товарищем своим, когда вернулся домой, стал искать его, напавшись и в гетто, о существовании которых он знал, и даже в недоступные простым людям длинные административные кварталы, где «высокие чины» могли бы прояснить, наверное, куда подевался человек, открывший на этой земле другой мир и описавший его... Мир, где люди читали

* Странен и этот образ в романе, но тоже специфичен для страны, где боятся легочных больных, т.е. людей, *неправильно дышащих*.

книги, сидели за столами, на стульях, спали на кроватях, одевались в костюмы, имели географические карты и атласы, газеты, путешествовали, обменивались информацией, говорили на *другом языке*... и не испытывали нужды в законах «Священной книги»...

Сюжет книги Сансаля разворачивается долго и томительно. Герои, отважившиеся *узнать правду*, ведут поиски разного рода офисов, людей, их кабинетов, где кто-то хоть как-то мог бы прояснить дело с этим поселением, существовавшим до воцарения Аби и его Книги... До «Священной войны».

В конечном итоге, естественно, оказывается, что друзья, задумавшие это свое расследование, были выслежены, чуть ли не признаны сумасшедшими, а человек, рассказавший им о «чуде» *открытия другого мира*, «нечаянно как-то погиб», а с ним и все его документы. И вообще, всё это «бред», всё это выдумали шпионы и предатели, а бедные люди поверили, что было на их земле когда-то *другое время*. А тот, кто по доброй воле стал проводником героя романа и его товарища по Административному чреву Абистана в поисках Правды, промышлял тем, что держал лавочку и потихоньку вывозил «на продажу» предметы *этой старины*, а в своих галереях организовывал выставки «искусства старого мира» и сам одевался не в длинный абистанский балахон, а в «европейский костюм»...

Друзья, искавшие Правду, конечно, остались на этой земле, а ловкий проводник, вовсе не хотевший, чтобы они узнали ее и долго водивший их за нос по коридорам власти, *Границу* эту все-таки перелетел. На самолете одного из высочайших Членов Государства, своего родственника, тоже бежавшего на поиски *другой жизни*...

* * *

Так надо ли мечтать о *Границе*, если ее не преодолеть тем, кто уже и сам не способен отличить территорию лжи и мрака от территории, где горизонт соединяет вершины гор с долиной моря, простора свободы?

И вообще, зачем понадобилась Буалему Сансалью эта странная «утопия» (т.е. «место, которого нет»), чем-то напоминающая по краскам «1984» Оруэлла - мрачную «антиутопию» (ибо «место, которого нет», должно быть лучше реального!)?

Чтобы напомнить человечеству, чем грозит мрак тоталитаризма и забвения прошлого? Или чтобы «вспомнить» о будущем, которое «не за горами», о том, что творится уже не в одной стране, где царит «Священная Книга Йолаха»?

Или о разрушенных Ливии, Ираке, Сирии, о великой древней Пальмире, превращенной в руины?

Или, может быть, все-таки книга Сансаля, получившая премию «За лучший роман на французском языке» в 2015 г., предупреждает человечест-

во о чем-то еще более важном? К примеру, о том, что если человек полагает, что границу *незнания* можно перейти, то это надо обязательно сделать. Человек *должен перейти эту границу*, чтобы знать, что есть другая земля и другой Закон и что «Воля Божья» не противится тому, чтобы человек нашел *«правильный путь»*. Путь, не обязательно ведущий только в «праведное поднебесье». Земля обширна, и люди живут на ней по-разному. Главное - устранить от зла, желающего торжествовать в мире. Победить мрак. Уйти от забвения прошлого. И искать дорогу вперед. И человечество тогда выживет, спасется от мрака возвращения к оковам догмы и рабства.

«Эта история, - пишет Буалем Сансаль, - с Границей, о которой услышал мой герой, - самая странная, быть может. Если она, Граница эта, существует, что вполне возможно. Но если даже нет, то будет существовать вечно Легенда о ней...

Граница - это Связь. Связь человечества. И если караваны исчезали в пути, и люди пропадали, то все знали, что это проводники либо сбились с дороги, либо предали людей. Что они *ответственны за неправильно выбранный путь*. Потому что захотели нарушить главный закон Бога и предаться преступлению и пороку - *обокрасть* своих же людей».

В этой последней фразе из книги Сансаля ответственность возлагается на того, кто посмел себя уравнивать в силе с *Всевышним*, распорядившись жизнью людей на Земле. Но ведь виноваты и те, кто погиб - ибо позволил себя обмануть и убить. Время сейчас стоит такое, когда задуматься должен каждый.

«2084» - это человеческое **безвремье и безжизнь**. И до этой даты осталось совсем чуть-чуть. И писатели бьют тревогу. Они хотят, чтобы симптомы болезни мира, которые они увидели, услышали и описали (а это - долг литературы), были не просто диагностированы, но *излечены*. И если зло исламизма, запечатленное в книгах Р.Буджедры и других алжирских писателей, в т.ч. аллегорически и у Б.Сансаля, как и в книгах других магрибинцев⁶, послужит уроком современному человечеству, значит, искусство слова спасет мир. Призовет красоту. И сделает мир прекрасным...

¹ О них см. подробно в работах *Прожегитой С.В.*: От Сахары до Сены (М., 2002); Разлом миров (М., 2009); Алжирская сюита (М., 2014); Гендерные проблемы конфликтов (в соавт. с *Н.Крыловой*, М., 2011); Путь к себе (в соавт. с *Н.Крыловой*, М., 2013) и др.

² *Boudjedra R. La désordre des choses. P., 1989.*

³ *Boudjedra R. Les funérailles. P., 2003.*

⁴ *Boudjedra R. F.I.S. de la Haine. P., 1992.*

⁵ *Djebar A. Oran, langue morte. P., 1997.*

⁶ См., напр.: *Meddeb A. La Maladie de l'Islam. P., 2002; Meddeb A. Sortir de la malédiction (Islam entre civilisation et barbarie). P., 2008.*